

Караманукян Д. Т. / Karamanukyan D. T.

**ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**PROVOCATION TO CRIMES IN THE CASE LAW OF THE EUROPEAN
COURT OF HUMAN RIGHTS**

Караманукян Давид

Тониевич,

*заведующий кафедрой конституционного и международного права ЧОУ ВПО «Омская юридическая академия»,
karamanukyan.dt@omua.ru*

Karamanukyan David

Tonievich,

*Head of the Department of constitutional and international law Private Educational Institution of Higher Professional Education "Omsk Law Academy",
karamanukyan.dt@omua.ru*

В данной статье исследуются особенности квалификации деяний сотрудников правоохранительных органов как провокация (подстрекательство) преступления с учетом правовых позиций Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, Страсбургский Суд, провокация преступлений, права человека.

This paper explores the features of qualifying the deeds of law enforcement bodies as a provocation (incitement) to crimes with taking into account the legal positions of the European Court of Human Rights.

Keywords: European Court of Human Rights, Strasbourg Court, provocation to crimes, human rights.

На современном этапе развития межгосударственных отношений в условиях глобализации и интеграции социально-культурных, экономических, правовых секторов различных стран, национальных правовых систем [12, 4-7], права человека стали неотъемлемой частью любого гражданского общества, высшим выражением его морально-правовых ценностей. В этой связи в международном публичном праве сложилась практика по их систематизации путем заключения многосторонних международных договоров, в которых отражены обязательства государств по соблюдению основных принципов уважения и защиты прав человека и гражданина.

Таким образом, в международной юридической литературе появилось понятие «стандарты прав человека», представляющее собой обязательства государств не только предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, определенные права и свободы, но и не посягать на такие права и свободы.

Следует отметить, что вышеуказанные стандарты разрабатываются не отдельными странами, а производными субъектами международного права – международными организациями. Лидирующей организацией в данной области международных отношений выступает Совет Европы, за последнее несколько десятилетий превратившийся в крупнейшую интеграционную организацию региона, участие государств-членов в которой свидетельствует о наличии высоких показателей демократизма и соблюдения основных признаков правового государства.

Одним из важнейших достижений данной организации является создание общей для всей Европы системы стандартов основополагающих прав человека, ядро которой составляет Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция, Европейская конвенция). В настоящее время Конвенция структурно состоит из преамбулы, трех разделов, четырнадцати дополнительных протоколов и является образцом для унификации нормативно-правовых актов по правам человека стран других регионов мира (например, конституционные акты практически всех стран постсоветского пространства).

Раздел I Конвенции «Права и свободы» (ст.ст. 2–18) содержит материальные положения Конвенции, определяющие права и свободы, обязательные для соблюдения государствами-участниками.

Раздел II «Европейский суд по правам человека» (ст.ст. 19–51) учреждает специальный механизм по защите гарантированных в Конвенции прав, устанавливает состав Европейского Суда по правам человека, процедуру и юрисдикцию.

Раздел III «Прочие положения» (ст.ст. 52–59) содержит нормы заключительного характера о порядке вступления в силу Конвенции, условиях ее денонсации, установлении оговорок.

В силу того, что с момента подписания Конвенции ее текст неоднократно подвергался пересмотру, были подписаны в общей сложности 14 протоколов, каждый из которых является самостоятельным международным договором, дополняющим Конвенцию новыми правами, принципами и гарантиями и структурно отделенным от основной части. В целях систематизации все протоколы можно условно классифицировать на две группы, первая из которых призвана усовершенствовать контрольный механизм Конвенции, прежде всего в целях повышения роли Европейского Суда по правам человека в системе защиты и соблюдения неотъемлемых прав человека (протоколы №№ 2, 3, 5, 8, 9, 14). Вторая группа направлена на дополнение Конвенции новыми правами, принципами и гарантиями (№№ 1, 4, 6, 7, 12, 13).

Для определения сущности и значения Конвенции целесообразно охарактеризовать и классифицировать ее по различным основаниям.

По содержанию закрепленных норм в Конвенцию входят следующие категории прав и свобод:

- личные и политические права (право на жизнь – ст. 1; на достоинство в форме запрещения пыток и иного бесчеловечного обращения; свобода передвижения – ст. 2 Протокола № 4 и др.);
- социально-экономические права (право на уважение частной собственности – ст. 1; на образование – ст. 2; на свободу мысли, совести и религии – ст. 9; на свободу выражения мнений – ст. 10 Протокола № 1).

По хронологическому подходу закрепленные в Конвенции гарантии относятся к правам первого поколения, т. е. к тем правам, которые были признаны в национальных конституциях постбуржуазной эры (XVIII–XIX вв.) [14, 13-16].

Однако специфика европейского механизма охраны прав человека заключается не только в существовании международного акта, унифицирующего все естественные права и свободы, но и создании надзорного органа в соблюдении норм Конвенции – Европейского Суда по правам человека.

Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд, Страсбургский Суд) – независимый наднациональный орган правосудия, который на европейском уровне осуществляет контроль за соблюдением основных прав человека всеми государствами-участниками Конвенции. В процессе рассмотрения конкретных жалоб частных лиц на деяния и решения органов

и должностных лиц государств-участников Совета Европы Европейский Суд по правам человека одновременно решает важную задачу толкования норм Конвенции, обеспечивая ему единообразный характер. Содержание норм, закрепленных в документе, в существенной мере дополняется и уточняется в судебной практике Европейского Суда, фактически являющимся вторым важнейшим источником общеевропейских стандартов прав человека.

Постоянно подчеркивая, что Конвенция является живым документом, т. е. способна адаптировать свое содержание по мере развития общества, Страсбургский Суд демонстрирует способность выводить из нее и такие положения, которые далеко уходят от первоначальных намерений авторов ее текста. Интерпретационная деятельность Страсбургского Суда не ограничивается простым разъяснением международно-договорных норм. Суд зачастую выводит из Конвенции новые положения, признаваемые им в качестве присущих Конвенции или вытекающих из нее. Данный способ официального толкования в теории права принято называть эволютивным. (*Примеч. автора.* Впервые эволютивный способ толкования был применен Европейским Судом по правам человека в деле «Тайрер против Великобритании» (англ. – *Tyrell v. UK*), где было установлено, что телесные наказания, которые не противоречили стандартам прав человека, существовавшим на момент принятия Конвенции, во время рассмотрения дела перестали отвечать принципам и ценностям европейского общества. Таким образом, Суд отказался следовать первоначальным намерениям авторов документа и признал, что телесные наказания школьников нарушают ст. 3 Конвенции). В силу возможности эволютивного способа интерпретации Конвенция рассматривается не как совокупность застывших норм, а как документ, который постоянно развивается и должен толковаться в свете современных условий. В результате деятельность Суда достаточно часто превращается в подлинную законодательную политику.

Аргументом в пользу вышеизложенного утверждения может служить постановление Страсбургского Суда от 6 октября 2005 г. по делу «Херст против Соединенного Королевства» (англ. – *Hirst v. United Kingdom*) [7] касательно автоматической утраты активных избирательных прав лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы. Европейским Судом было признано, что подобное ограничение права голоса возможно лишь в качестве индивидуального вида санкции для отдельных категорий преступников, но не как общий запрет для всех осужденных к лишению свободы. При интерпретации Страсбургский Суд ссылаясь на ст. 3 Протокола № 1 Конвенции,

которая гласит, что государства-участники Совета Европы обязуются периодически проводить свободные выборы путем тайного голосования, обеспечивающие свободное волеизъявление граждан при формировании законодательной ветви государственной власти.

Как видно, в своей буквальной формулировке процитированная статья не предусматривает гарантии избирательных прав осужденных. Однако в интерпретации Суда эти права из нее вытекают, что в итоге может потребовать законодательных реформ в ряде стран Совета Европы, в том числе в Российской Федерации.

Аксиоматичной стала формула: нормы конвенции действуют в том виде, как они истолкованы Европейским Судом. Она нигде не зафиксирована, но признается всеми государствами-участниками Совета Европы вне зависимости от того, к какой правовой семье относится правовая система той или иной страны-участницы, признает ли она источником права судебный прецедент или нет.

Россия, выступая в качестве полноправной участницы Совета Европы с 1998 г., принимает нормы Конвенции в качестве составной части национального законодательства на основании ч. 4 ст. 15 Конституции. При этом, признавая положения Конвенции, наше государство обязано также соблюдать прецедентное право Европейского Суда, что, в свою очередь, доказывает факт существования прецедента в качестве основного источника российского права [13, 143-147].

История свидетельствует о неоднократных обращениях Верховным Судом Российской Федерации на прецеденты Европейского Суда. Примером может служить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно п. 10 которого правоприменительная деятельность российских судов должна осуществляться в соответствии с практикой Страсбургского Суда во избежание нарушения Конвенции [9].

Вместе с тем необходимость в соблюдении взглядов Европейского Суда по правам человека распространяется также на органы исполнительной власти. Так, п. 2.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П гласит, что прецедентное право Европейского Суда по правам человека, параллельно с нормами и ратифицированными протоколам Конвенции, является составной частью российской

правовой системы [8]. В этой связи названные источники должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Благодаря практике Европейского Суда все отрасли российского права постоянно модернизируется, в том числе и уголовное право. Более того, в кодифицированных актах многих процессуальных отраслей есть прямые ссылки на Европейский Суд [1; 2; 3].

Одной из наиболее проблем уголовно-правового характера в судебной практике (как Страсбургского Суда, так и национальных судов) является вопрос ответственности за провокацию преступления (Примеч. автора. Несмотря на продолжающуюся доктринальную полемику между учеными, правоприменителями и законодателями по вопросу соотношения понятий «провокация» и по вопросу соотношения понятий «провокация» и «подстрекательство» в теории уголовного права, в данной статье указанные термины синонимизированы). Провокация преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов достаточно распространена в правоприменительной практике. Особенную актуальность данная проблема имеет по делам о наркотиках, а именно по делам о преступлениях по ст.ст. 228–228.1 Уголовного кодекса РФ.

Также провокация часто встречается по делам о взятках и коммерческом подкупе (ст. 204, 290, 291 УК РФ), нарушении авторских и смежных прав (ч. 2 ст. 146 УК РФ) и других.

Под влиянием Европейского Суда 24 июля 2007 г. был принят Федеральный закон № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму», согласно которому в статью 5 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» внесены дополнения, а именно: органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Иными словами, провокация преступления законодательно признана незаконным методом ведения оперативно-розыскной деятельности. Однако, несмотря на достойный уровень доктринальной разработанности и богатый опыт Европейского Суда по вопросам провокации преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов, до сих пор отечественные суды ошибаются в грубейшей форме при рассмотрении дел данной

категории. Свидетельством этому может послужить дело «Веселов и другие против России» (англ. – Veselov and Others v. Russia). Суть данного дела заключалась в том, что несколько лет назад тремя гражданами РФ (Виктором Веселовым, Максимом Золотухиным и Игорем Дружининым) были поданы жалобы в Страсбург (жалобы № 23200/10, 24009/07, 556/10) [15] на то, что их вина в национальных судах была доказана при нарушении Европейской конвенции и что они поддались на провокации тайных агентов полиции (тогда еще милиции), которые подстрекали данных граждан совершить преступление.

2 октября 2012 г. Европейский Суд вынес постановление, в котором было установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в отношении всех трех заявителей в связи с признанием их виновными в совершении преступлений, которые были спровоцированы. В пользу заявителей было взыскано в общей сложности 15 600 евро в качестве компенсации за моральный ущерб и судебные издержки. И это лишь вершина айсберга. Данное постановление Европейского Суда, вероятно, станет ведущим прецедентом для решения еще 150 аналогичных дел против Российской Федерации, находящихся в стадии рассмотрения.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что и до вышеуказанного дела еще в 2005 г. Европейским Судом было принято постановление по делу «Ваньян против Российской Федерации» (англ. – Vanyan v. Russia) от 15 декабря 2005 г., содержащее основные юридические критерии для квалификации действий правоохранительных органов как провокации [4].

В постановлении по вышеуказанному делу Европейский Суд, интерпретируя положения Конвенции, пришел к выводу, что «если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов, и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-то вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его в уголовном процессе могут привести к тому, что будет непоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства» [16]. Европейский Суд также указал, что отсутствовали у сотрудников правоохранительных органов основания подозревать заявителя в распространении наркотиков.

Таким образом, вмешательство со стороны правоохранительных органов и использование полученных доказательств при рассмотрении уголовного дела против заявителя нарушали дух Конвенции Совета Европы.

Вышеуказанные результаты интерпретационной деятельности Европейского Суда нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [10]. В нем разъясняется, в частности, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

Резюмируя правовые позиции Европейского Суда по делам, касающимся провокации правонарушения, можно выделить следующую схему квалификации действий правоохранительных органов в качестве провокации преступления.

В первую очередь следует акцентировать внимание на дефиниции понятия «провокация», которая содержится в постановлении по делу «Рамаускас против Литвы» (англ. – *Ramanauskas v. Lithuania*): «Провокация со стороны полиции происходит в тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов или лица, действующие по их поручению, не ограничиваются расследованием преступной деятельности преимущественно пассивно, а оказывают такое влияние, чем подстрекают к совершению преступления, которое иначе не было бы совершено, для того, чтобы раскрыть преступление, а именно получить доказательства его совершения и начать уголовное преследование...» [5] [перевод – автора].

В вышеуказанном определении у национальных судов часто вызывает трудности для понимания фраза о проведении расследования правоохранительными органами «преимущественно пассивно». Данное понятие состоит из двух аспектов: во-первых, наличие основания для проведения тайной операции, и, во-вторых, действия властей в ходе ее выполнения.

Говоря о первом аспекте, прецедентное право Европейского Суда устанавливает, что должны быть объективные подозрения в том, что правонарушение было бы совершено и без вмешательства правоохранительных органов. Более того, любая предварительная информация о том, что у субъекта уже имелся умысел на совершение преступления, должна подаваться проверке. Правоохранительные органы должны быть в состоя-

нии продемонстрировать, что они имели веские причины для проведения тайной операции по внедрению агентов. Простое утверждение сотрудников полиции, что у них была информация об участии лица в совершении правонарушения, не может быть принято во внимание.

Тесно связан с критерием объективного подозрения вопрос о моменте, когда власти начали тайную операцию. Национальные суды должны установить, что конкретно имело место – простое присоединение тайными агентами правоохранительных органов к уже совершаемому правонарушению либо подстрекательство к его совершению.

В данном вопросе немаловажное значение имеет прецедентное постановление Европейского Суда по делу «Секейра против Португалии» (англ. – *Sequeira v. Portugal*) [6], в котором было установлено, что нет состава провокации со стороны правоохранительных органов, так как граждане А. и С. обратились к сотрудничеству со следственным департаментом полиции лишь после того, как заявитель (субъект правонарушения) связался с А. с целью организации поставки кокаина в Португалию. С этого момента А. и С. выступали как тайные агенты под надзором следственного департамента с разрешения прокуратуры страны. Иными словами, только после добровольного обращения заявителя полиция стала контролировать ход данного преступления. Именно этот процессуальный фактор принципиально отличает данное дело от дела «Тейшейра де Кастро против Португалии» (англ. – *Teixeira de Castro v. Portugal*) [11], в котором как раз полиция инициировала совершение преступления, а не присоединилась к уже совершаемому, как это имело место в деле «Секейра против Португалии».

Проводя черту между законным внедрением тайного агента и провокацией к правонарушению, Европейский Суд рассматривает вопрос о том, подвергался ли заявитель воздействию с целью совершения им преступления со стороны полиции или агентов-провокаторов. Руководствуясь правовыми позициями Европейского Суда по итогам исследования вышеуказанных дел, можно смело утверждать, что не является пассивным поведением такое поведение властей как повторение предложения к совершению противозаконного деяния, несмотря на первоначальный отказ самого субъекта, настойчивая просьба.

По вопросам повторного предложения ведущим правоприменительным ориентиром выступает дело «Раманаускас против Литвы». Будучи прокурором, заявитель утверждал, что к нему в частном порядке обратилось ранее неизвестное ему лицо, которое в последующем оказалось служащим

специального антикоррупционного подразделения полиции. Служащий предложил заявителю взятку в размере 3 000 долларов за обещание содействовать в оправдании третьего лица. Заявитель первоначально отказался, но затем согласился: после того, как полицейский повторил свое предложение несколько раз. Полицейский уведомил свое начальство, и в январе 1999 г. заместитель генерального прокурора санкционировал провокацию взятки. Вскоре после этого заявитель принял взятку от служащего. В августе 2000 г. он был осужден за получение взятки в размере 2 500 долларов США и приговорен к лишению свободы.

Европейский Суд отметил, что действия полицейского и знакомство с заявителем вышли за пределы пассивного контроля существующей криминальной деятельности: отсутствуют данные о том, что заявитель ранее когда-либо совершал преступления, в частности, связанные с коррупцией; все встречи заявителя и полицейского имели место по инициативе последнего.

Таким образом, провокация имеет место, если умысел на совершение преступления изначально отсутствовал и сформировался исключительно в результате действий оперативных сотрудников правоохранительных органов. Главный вопрос в том, от кого исходит инициатива. Лицо должно самостоятельно начать преступную деятельность без какого-либо внешнего вмешательства. Оперативно-розыскные мероприятия должны ставить под контроль уже происходящие криминальные процессы, но не способствовать и, тем более, не провоцировать совершение преступлений.

Применяя вышеуказанный критерий, Европейский Суд возлагает бремя доказывания на власти. С этой целью он постановил, что на стороне обвинения лежит обязанность доказать отсутствие провокации при условии, что утверждения обвиняемого являются правдоподобными.

В связи с многочисленными ошибками, допускаемыми правоохранительными органами при расследовании и судами при рассмотрении указанной категории уголовных дел, Верховный Суд РФ принял решение об обобщении принципиальных правовых позиций Европейского Суда по жалобам на провокацию правонарушений, в результате которого был утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 26.06.2012 г. «Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (далее – Обзор).

В указанном Обзоре национальным органам правосудия даны разъяснения по поводу того, в каких случаях результаты оперативно-розыскной

деятельности, использованные органами предварительного расследования для доказывания вины конкретных лиц в совершении действий, связанных с нелегальным оборотом наркотических средств, подлежат признанию недопустимыми доказательствами. Также Обзором впервые дано определение термина «Провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Со ссылкой на положение в п. 14 постановления Пленума от 15.06.2006 г. № 14 говорится, что под провокацией сбыта следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или тайным агентам).

Вместе с тем, по сей день допускаются существенные правонарушения сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и судами при рассмотрении дел данной категории, что, безусловно, неприемлемо в правовом государстве, в государстве-участнике Совета Европы.

Разумеется, правосознание правоохранителей и судейского сообщества так просто не изменишь. Но и махнуть рукой на общепринятые принципы справедливости судебного разбирательства, не совместимые с провокацией преступлений со стороны власти, было бы неправильно. Важно впитать в себя принципы справедливого судебного разбирательства, сформулированные в ст. 6 Конвенции и решениях ЕСПЧ, и внедрять в сознание обычных граждан и правоприменителей необходимость четкого следования общепринятым в цивилизованном обществе принципам справедливости при отправлении правосудия.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. Дело «Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) (Первая секция) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. Дело «Раманаускас против Литвы» [Ramanauskas v. Lithuania] (жалоба № 74420/01) (Большая Палата) (извлечение) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

6. Решение Европейского Суда по правам человека от 6 мая 2003 г. по вопросу приемлемости жалобы № 73557/01 «Секвейра против Португалии» [Sequeira - Portugal] (III Секция) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

7. Решение Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2003 г. Дело «Херст против Соединенного Королевства» [Hirst - United Kingdom] (жалоба № 74025/01) (IV Секция) (извлечение) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. – Электрон. дан. – [М., 2013].

11. Дело № 44/1997/828/1034. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-166840.html?page=23> (дата обращения: 15.01.2013).

12. Караманукян Д. Т. Интегрирование правовых систем современности (на примере американского права) // Вестник Омского юридического института № 3 (16), 2011 г. С. 4-7.

13. Караманукян Д. Т. Прецедентное право ЕСПЧ как составная часть российской правовой системы // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : материалы VIII всерос. науч. конф. М. : Омский юрид. ин-т, 2011. С. 143-147.

14. Караманукян Д. Т. Современные стандарты европейских интеграционных объединений в области прав человека // Вестник Омского юридического института № 4 (17), 2011 г. С. 13-16.

15. Обзор постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по российским жалобам за октябрь 2012 г. // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс] / НПП Гарант-Сервис. - Электрон. дан. - [М., 2013].

16. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_305/doc305a389x916.htm (дата обращения : 16.01.2013).

References:

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation from July 24, 2002, Federal law No. 95-FL [Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

2. Civil Procedural Code of the Russian Federation from November 14, 2002, Federal law No. 138-FL [Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

3. Criminal Procedural Code of the Russian Federation from December 18, 2001, Federal law No. 174-FL [Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

4. Decision of the European Court of Human Rights from December 15, 2005. The case of "Van'yan (Vanyan) against the Russian Federation" (complaint No. 53203/99) (First Section) [Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 15 dekabrya 2005 g. Delo «Van'yan (Vanyan) protiv Rossiiskoi Federatsii» (zhaloba № 53203/99) (Pervaya sektsiya)]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

5. Decision of the European Court of Human Rights from February 15, 2008. The case of “Ramanauskas against Lithuania” (complaint No. 74420/01) (Big Chamber) (extraction) [Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 5 fevralya 2008 g. Delo «Ramanauskas protiv Litvy» [Ramanauskas v. Lithuania] (zhaloba № 74420/01) (Bol'shaya Palata) (izvlechenie)]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

6. Decision of the European Court of Human Rights from May 06, 2003. On the admissibility of the complaint No. 73557/01 “Sekveyra against Portugal” [Sequeira - Portugal] (III Section) [Reshenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 6 maya 2003 g. po voprosu priemlemosti zhaloby № 73557/01 «Sekveira protiv Portugalii» [Sequeira - Portugal] (III Sektsiya)]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

7. Decision of the European Court of Human Rights from July 08, 2003. The case of “Herst against the United Kingdom” [Hirst - United Kingdom] (complaint No. 74025/01) (IV Section) (extraction) [Reshenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 8 iyulya 2003 g. Delo «Kherst protiv Soedinennogo Krolevstva» [Hirst - United Kingdom] (zhaloba № 74025/01) (IV Sektsiya) (izvlechenie)]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

8. Decision of the Constitutional Court of the RF No. 2-R from February 05, 2007 “On the case on the constitutionality test of the provisions of articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, the complaints of open joint stock companies “Nizhnekamskneftekhim” and “Khakassenergo” as well as a complaints of number of citizens” [Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 5 fevralya 2007 g. № 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkrytykh aktsionernykh obshchestv «Nizhnekamskneftekhim» i «Khakasenergo», a takzhe zhalobami ryada grazhdan»]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

9. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the RF No.5 from October 10, 2003 “On application by the courts of general jurisdiction universally received principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation” [Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot

10 oktyabrya 2003 g. № 5 «O primenenii sudami obshchei yurisdiktsii obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii»). *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

10. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the RF No.14 from June 15, 2003 “On judicial practice in cases of crimes related to drugs, psychotropic, superpotent and poisonous substances” [Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF 15 iyunya 2006 g. № 14 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropnymi, sil’nodeistvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami»]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

11. *Case No. 44/1997/828/1034*. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-166840.html?page=23> (accessed: 15.01.2013). C

12. Karamanukyan D. T. The Integration of Contemporary Legal Systems (through the example of American Law) [Integrirovanie pravovykh sistem sovremennosti (na primere amerikanskogo prava)]. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Omsk Law Institute*, 2011, No. 3(16), pp. 4-7.

13. Karamanukyan D. T. Case Law of ECHR as an Integral Part of the Russian Legal System [Pretsedentnoe pravo ESPCh kak sostavnaya chast’ rossiiskoi pravovoi sistemy] *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy VIII vseros. nauch. konf. – Contemporary problems of human and natural sciences: proceedings of VIII all-Russian scientific conference*, Moscow: Omsk Law Institute, 2011, pp. 143-147.

14. Karamanukyan D. T. Contemporary Standards of European Integration Associations in the Field of Human Rights [Sovremennye standarty evropeiskikh integratsionnykh ob’edinenii v oblasti prav cheloveka]. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Omsk Law Institute*, 2011, No. 4(17), pp. 13-16.

15. Survey of judgments and decisions of the European Court of Human Rights on the Russian complaints for October 2012 [Obzor postanovlenii i reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka po rossiiskim zhalobam za oktyabr’ 2012 g.]. *System GARANT* [Electronic resource], Moscow: 2013.

16. Available at: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_305/doc305a389x916.htm (accessed: 16.01.2013).